

ГОМОСЕКСУАЛИЗМ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА. СМЕЩЕНИЕ ГРАНИЦ НОРМАТИВНОСТИ

*Работа представлена кафедрой теоретической и прикладной культурологии
Санкт-Петербургского государственного университета.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор О. В. Журавлев*

Во второй половине XX в. многие природные и культурные явления были переосмыслены в свете постмодернистского принципа ацентризма. Представления о норме и девиации радикально изменились. Одним из феноменов, который затронули перемены эпохи постмодерна, стал гомосексуализм. Появляются теории, согласно которым он, как и многие другие «девиации», является результатом социального конструирования.

In the second half of the 20th century many natural and cultural phenomena were rethought within the new principle of acentralism, offered by postmodernism. The concepts of norm and deviation totally changed. Homosexuality was one of the phenomena rethought in the age of postmodern. New theories appeared saying that homosexuality (as many other «deviations») is the result of social constructing.

Во второй половине XX в. западный мир был захвачен новым культурным течением, получившим название «постмодерн». Это событие явилось отражением поворота в самосознании западной цивилизации, глобального изменения в отношении европейского человека к себе и своей культуре. Мир, созданный человеком, буквально утратил внутренний стержень. Доминирующей тенденцией в культуре стал плюрализм, – отличающийся от плюрализма предшествующих эпох своей радикальностью, почти универсальностью.

Теперь характеристикой сочетания старых и новых элементов является ацентризм. По мнению главных теоретиков нового течения (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Бодрийера), центр исчезает не только из символического пространства (мы теряем Бога, человека, автора), но и из среды повседневности. В культуре постмодерна исчезает дифференциация на ортодоксальный культурный центр и периферию, где скапливаются маргинальные элементы. Многие из тех явлений, что ранее существовали, об-

разно выражаясь, на обочине культуры, во второй половине XX в. выходят на авансцену. И одно из таких явлений – гомосексуализм.

В течение многих столетий сексуальное влечение могло быть оправдано только как стимул к продолжению рода. Влечение к людям собственного пола выглядело при этом противоестественным извращением, грехом. Бурно развивающаяся в XIX в. психиатрия закрепила за гомосексуализмом статус болезни, выделяя его носителей в особую категорию людей, у которых инверсия сексуального чувства сочетается со множеством других болезненных и морально неприемлемых черт.

При этом судебные медики и психиатры XIX в., занимавшиеся вопросами гомосексуализма (И. Л. Каспер, А. Тардьё, К. Ф. Отто, Ч. Ломброзо и др.), чаще всего имели дело с людьми, совершившими преступления либоотягощенными психическими проблемами, и неизбежно воспринимали гомосексуализм как причину или обязательно сопутствующий фактор этих отклонений.

Уже в начале XX в. отношение к гомосексуальности стало стремительно меняться. Известные опросы А. Кинзи, проведенные в 1940-х гг., ошеломили Америку: 48% опрошенных мужчин имели в своем опыте хотя бы один гомосексуальный контакт, 37% получили от него удовольствие, и 4% признались в том, что ведут исключительно гомосексуальную половую жизнь. Оказалось, что гомосексуализм распространен гораздо больше, чем привыкли считать. Это остро поставило вопрос о том, что называть «нормой» сексуального поведения.

Сильнейший удар по психиатрической теории гомосексуальности нанесли работы профессора клинической психологии Калифорнийского университета Э. Хукер. Она сравнила показатели группы никогда не обращавшихся за психиатрической помощью гомосексуальных мужчин с данными аналогичной группы исключительно гетеросексуальных мужчин. Сравнение не выявило между ними никакой существенной психической разницы, на основе чего Э. Хукер сделала вывод, что гомосексуальности как клинического явления не существует. Гомосексуальность может быть вариацией сексуального поведения, находящейся в границах психической нормы.

Среди главных теоретиков постмодерна один автор особенно много размышлял о проблемах человеческой сексуальности, и гомосексуальности в частности, – Мишель Фуко. Наиболее полно свои взгляды на тему сексуальности Фуко изложил в трехтомном исследовании под названием «История сексуальности», где он подробно говорит о социальном конструировании этого феномена. Сексуальность для Фуко – не природная данность, а культурная модель, содержание которой меняется в зависимости от времени и места. Сама по себе она не существует, но задается обществом. Согласно Фуко, сексуальность напрямую связана с проблемами власти и подчинения. Власть намеренно создает оппозиционную

среду, чтобы самоактуализироваться через нее. «Ускользнуть от власти невозможно», ибо «она и конституирует то самое, что ей пытаются противопоставить»¹. И одной из таких оппозиционных форм является сексуальность и, как ее частный вариант, гомосексуальность.

Теория Фуко перекликается с актуальными в современной социологии представлениями о социальном конструировании. Хотя эти представления не называются напрямую постмодернистскими, мы видим, что их формирование происходит в то же время, что и становление культуры постмодерна. Выясняется, что многие социальные институты и феномены не столько существуют объективно, сколько искусственно сконструированы. В частности, это относится к так называемым девиантным явлениям: преступности, наркотизму, проституции – и гомосексуализму².

Так, например, авторы работы «Новые направления в социологической теории» П. Филмер, М. Филипсон, Д. Силверман, Д. Уолш, будучи сторонниками феноменологического направления в социологии, высказываются за конвенциональный характер и девиантности, и преступности. «Преступление... не «объективная» категория действия... причины которого могут быть изучены, а совокупность обыденных социальных значений, используемых членами общества для обозначения некоего рода действий и лиц... Штампование «преступников» – это в прямом смысле слова социальная работа, она есть продукт практической деятельности некоторых организаций, отражающий и поддерживающий представления их сотрудников о социальной структуре»³. Эта схема распространяется социологами и на феномен гомосексуальности⁴.

В целом, очевидно сходство данной социологической теории с концепцией М. Фуко. В обоих случаях речь идет о внедрении в массовое сознание стереотипно-

го образа, значение которого – в создании фиксированной психологической реакции на определенные социальные явления. И Фуко, и социологи новой волны подчеркивают заинтересованность властных структур в создании негативных социальных образов, которые парадоксальным образом помогают власти существовать. Закон теряет смысл без сферы, которую он должен контролировать. Преступление – это то, что нарушает закон. «И в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон»⁵.

Хотя медицине пока не удалось однозначно ответить на вопрос о причинах формирования гомосексуальности (приводит ли к ней наследственность или воспитание), эта тема перестала быть актуальной с момента признания гомосексуальности нормальной вариацией сексуального поведения. Медицина уже давно не судит о нормах так однозначно, как раньше. Это связано и с утверждением относительности любых нормативных установок, и с тем, что в современной науке нормальное как статистически среднее учитывает и отклонения в определенном диапазоне.

Мы видим, как эпоха постмодерна смещает иерархию ценностей, разрушает стереотипы, выводит на передний план те явления культуры, которые много веков су-

ществовали в тени. Нет больше господствующих установок, непререкаемых авторитетов, нерушимых традиций.

Процессы культурной децентрализации, происходящие в эпоху постмодерна, сложно оценить однозначно. В культуре, потерявшей ценностные ориентиры, верх становится низом, тайное – явным, а запретное – дозволенным. Как говорил известный теоретик постмодерна Ж. Ф. Лиотар, выражая модель современного восприятия: «...не существует “рациональной, ясной и последовательной модели” справедливости и несправедливости»⁶. Закономерен вопрос: а не приведет ли дальнейшее развитие культуры к полному хаосу, где все разрешено, а добро неотличимо от зла? Каждый волен делать свои выводы и прогнозы. Нам кажется, что объективно оценить изменения в культуре невозможно. Наука способна лишь констатировать их наличие. Достижение современной науки об обществе заключается именно в том, что она отказалась от категорий морали и нравственности. Преступление – это характеристика закона, общества, культуры, а не конкретной личности или ситуации. Описывать изменения в культуре через понятия «добра» и «зла» неправомерно, поскольку сами эти понятия являются ее порождением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 180.

² Гиллинский Я. Девиантология. СПб., 2004.

³ Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 98, 286.

⁴ Kitzinger С. The social construction of lesbianism. L., 1987.

⁵ Новые направления в социологической теории. С. 97.

⁶ Лиотар Ж. Ф. Что есть истина? // Керни Р. Диалоги о Европе. М., 2002. С. 307.